

Ли Хаочэнь и Сюй Цы ехали верхом, позволяя лошадям щипать молодую траву по пути. Таянь и Яньхо сначала паслись спокойно, но тут из-за деревьев внезапно выскочила чья-то фигура. Таянь сохранил спокойствие, а вот Яньхо в испуге отскочил на пару шагов и громко заржал.

Сюй Цы успокоил Яньхо и взгляделся: это была пожилая женщина с седыми взлохмаченными волосами, в лохмотьях, с лицом, испещренным глубокими морщинами.

Женщина, не обращая внимания на всадников, бросилась прямо к их повозке. Мо Е, которому предстояло показаться на людях, был одет в грубую холщовую одежду и замаскировался под простоватого возницу. Увидев бегущего человека, он решил, что это убийца, и уже хотел напасть, но та, добежав до лошадей, грохнулась на колени и стала застучать лбом о землю, бормоча невнятные слова о несправедливости.

Эта старуха последние два года не занималась ничем другим: она пряталась за деревьями вдоль тракта от столицы до Янчжоу, а как только показывалась повозка, бросалась ей наперерез.

Из-за смерти дочери она лишилась рассудка и помешалась, но в сердце крепла память о театральных постановках, где честные чиновники вершат правосудие. В пьесах обиженные всегда останавливали повозки и подносили кровавое письмо, чтобы преступника наказали.

Эта старушка родилась в бедности, муж умер рано, осталась одна дочь. Девушка выросла красавицей, и приглянулась младшему сыну янчжоуского префекта — завзятому хулигану и злодею. Он без разговоров похитил девушку и надругался над ней. Но девушка оказалась верной и честной, к тому же уже была сосватана.

Потеряв невинность, она не захотела жить. Написала кровавое письмо жениху и бросилась в колодец. Когда достали тело, глаза были открыты — не смирилась.

Жених, побоявшись могущества префекта, не посмел поднять шум и вернул кровавое письмо матери девушки — этой самой старушке.

Старушка пошла в управу, но никто не взялся за дело. Префект, чтобы выгородить сына, обвинил саму погибшую: мол, она соблазнила его, чтобы выйти замуж за богатого из семьи Линь. Жених узнал, она от стыда утопилась. Суд постановил, что покойница была распутной.

Услышав, что дочь оклеветали после смерти, старушка не выдержала, рассудок помутился. Она даже выхватила кровавое письмо из рук чиновников. Шум был большой, префект не смел отобрать его открыто у сумасшедшей, а старуха уже бормотала чушь. Решил, что потом тихо схватит и заставит замолчать.

Хоть и свихнулась, понимала: если войдет в город, схватят и отнимут письмо. Поэтому пряталась в лесу вдоль дороги, близко к городу не подходила, в десяти с лишнем ли от Янчжоу маячила. Днем останавливала повозки с криками о несправедливости, ночью спала в пещере.

Префект не мог её поймать, а со временем и перестал пытаться. Всё равно горная сумасшедшая, кто ей поверит?

Так прошло больше двух лет, но старушка не сдавалась.

Сегодня, увидев повозку Мо Е, снова выбежала, сжимая в руках кровавое письмо, написанное на холсте.

Сначала отбила несколько поклонов, затем высоко подняла письмо.

Теперь речь была невнятной, разум затуманен, но одно она помнила твердо: нужно добиться справедливости для дочери.

Янь Сы вышел из повозки, взял письмо, которое старушка держала высоко. Она не сводила с него глаз.

Бывало и так: повозка останавливалась, люди брали письмо, читали и хотели разорвать. Старушка успевала яростно вырвать его обратно.

Набившись шишек, она больше не отрывала взгляда от письма, боясь, что и этот поступит так же.

Янь Си пробежал глазами по тексту, лицо изменилось, и он передал письмо Ли Хаочэню.

В письме была описана кровавая история девушки, подробно рассказано, как младший сын префекта Линь Байфу силой затащил её в дом, как угрожал и принуждал.

Сюй Цы стоял рядом с Ли Хаочэнем, наклонив голову, и мог видеть содержание.

Взглянув на ветхое, многолетнее письмо и на старую женщину с её тревожным лицом, Сюй Цы покраснел, руки побелели от напряжения.

Ли Хаочэнь тоже был холоден, словно вокруг него воцарилась зима.

Сюй Цы посмотрел на Ли Хаочэня и, увидев его кивок, спешил и помог старушке подняться. Голос его звучал мягко:

— Старушка, успокойтесь. Мы разберемся с этим делом. Пожалуйста, отдохните в повозке.

Старушка маячила тут два года, впервые услышала согласие помочь. Неважно, были ли у них силы, она снова упала на колени, била поклоны, рыдая и thanks. Старые слезы вызвали сострадание у всех мужчин вокруг.

Только материнская любовь способна на такое — безвозмездно и настойчиво.

Гунсунь Юй, увидев это, вышел из повозки и помог старушке забраться внутрь. Сам сел рядом с Мо Е управлять лошадьми. Внутри Янь Сы умел говорить, старушка хоть и бормотала невнятно, но под его чутким руководством они узнали всю подноготную к концу пути.

Янчжоу — благодатный край, богатый и сытный, место, где хорошо жить.

Да только местный префект считал, что небо далеко, а он близко, закона не признавал, творил бесчинства, угнетал народ, вел себя как настоящий царь.

Они знали только об этом одном случае, но сколько еще мерзости скрывалось за фасадом процветания?

Сюй Цы сжал губы, вспомнив, как в прошлой жизни мать оклеветали и убили.

Тогда наследный принц снова ушел в поход, а он сам служил в Янчжоу и ничего не знал. Вернулся — только могила. Доказательства уничтожены, сам бессилён. Сейчас старушка, ищущая справедливости для дочери, потревожила старые раны, он чувствовал ту же

беспомощность, лицо стало бледным и печальным.

Заметив, что Сюй Цы выглядит неважно, Ли Хаочэнь спешился, притянул к себе, погладил по спине:

— Испугался?

Сюй Цы уткнулся лицом в грудь Ли Хаочэня, опираясь на него, чтобы удержаться на ногах. Голос его звучал глухо:

— Не боюсь. Я просто ненавижу этих местных змей, угнетающих народ и не признающих закон. Им смерть.

Ли Хаочэнь обнял его крепче, пытаясь согреть своим телом. Лицо Сюй Цы было настолько бледным, что казалось, он вот-вот упадет в обморок:

— Не волнуйся, он не уйдет от наказания.

Янь Сы, отодвинув занавеску и увидев состояние Сюй Цы, вовремя потянул А Ню, и они вышли. Взяли под уздцы Таяня и Яньхо. Ли Хаочэнь взглянул на них, поддержал Сюй Цы и усадил в повозку.

Повозка двинулась дальше. Таянь и Яньхо чужаков на спину не пускали, так что А Сы и А Ню пришлось вести их пешком. Мо Е погнал лошадей медленно.

Старушку звали Хуан. Она немного успокоилась после волнения, но разум всё еще плыл. Увидев двух мужчин напротив, наклонила голову, с любопытством разглядывала.

Оба парня были очень красивые. Старший, высокий, нежно поддерживал розовощекого младшего, взгляд был полон нежности.

Бледное, изможденное лицо юноши вызывало у старушки жалость.

Ее разум то прояснялся, то снова затуманивался.

Сейчас она была немного в себе, забеспокоилась, нахмурилась и обратилась к Ли Хаочэню:

— Ваша жена с дороги устала, ей нужно отдохнуть.

Она видела, что Сюй Цы белый и румянец нежный, решила, что это женщина. А мужчина так к ней привязан, кроме мужа и жениха никто так не ведет себя.

Ли Хаочэнь в это время передавал Сюй Цы внутреннюю энергию, снимая недомогание. Услышав слова, рука ненадолго замер, редко когда он объяснялся:

— Он мужчина.

Приступ слабости у Сюй Цы прошел быстро, он подавил воспоминания о прошлом, лицо приняло более спокойный оттенок.

Услышав слова старухи, на его бледном лице промелькнула слабая улыбка.

Ли Хаочэнь и объяснил, но старуха не поверила.

Такая нежная невеста, наверное, мужчина прячет её от чужих глаз, передел мужской одеждой, но кожа нежная, спрячешь не спрячешь.

Старушка с серьезным выражением лица, видом «я понимаю», посмотрела на прижавшихся друг к другу, кивнула:

— Хорошо, хорошо. Скажешь мужчина — значит мужчина.

Почему-то Ли Хаочэнь, услышав это, невольно посмотрел вниз на бледное, но красивое лицо Сюй Цы и вдруг почувствовал, что место, где он касался Сюй Цы, пылало жаром.

За пять лет в армии у солдат часто случался избыток сил, и, естественно, в войсках были женщины для развлечения.

<http://bllate.org/book/16473/1495811>